

Раздел 2. Военное завоевание и социальные преобразования, июль-август 1941 г.

*Борьба за мировую гегемонию увенчается успехом
Европы, когда она овладеет русскими просторами...
В настоящее время главное - это завоевать. Все
остальное будет лишь вопросом организации.*

Адольф Гитлер, 17-18 сентября 1941 г.

Прибыв в Центральную Украину летом 1941 года, нацистские чиновники были ошеломлены увиденной бедностью. За советизацию сельский ландшафт претерпел изменения, вследствие сооружения машинно-тракторных станций, огромных зернохранилищ и конюшен для скота. Однако значительная часть колхозников и крестьян, продолжала едва выживать из-за нужды, а в их простых деревянных домиках с соломенной крышей, часто не было водопровода, электричества и окон [1]. В глазах немецких завоевателей-расистов такая «отсталость» только служила подтверждением их представления о неполноценности славян и подпитывала колонизаторскую нацеленность нацистов для наведения порядка и обеспечения прогресса в регионе.

Один из офицеров немецкой разведки заявил, что в Украине сталинизм создал благоприятную основу, на которой немцы могли выстраивать свою собственную империю. Он писал, что украинцы привыкли к имперскому господству и существованию в военных условиях, поэтому им будет нетрудно приспособиться и к немцам [2].

Население Житомирщины воспринимало появление нацистов сквозь собственную искаженную призму недавней истории и своих предубеждений относительно людей с запада. И мало кто из украинцев, русских, поляков, евреев и этнических немцев мог себе представить, что их ждало. Они наивно предоставляли демографические данные, на основе которых решалась их судьба; в поисках работы они приходили в центры и немецкие штаб-квартиры, надеясь, что немцы будут справедливыми правителями, с которыми их земля начнет экономически процветать. Многие из них так и не дождались дома. Уже за несколько дней и недель после оккупации местное население осознало, что немецкие захватчики времен Первой мировой

войны отличались от нынешних нацистских оккупантов и то, что немецкая Kultur и бесчеловечность не являются взаимоисключающими понятиями.

Как среди профессиональных историков, так и среди широкой общественности распространено мнение, что военное завоевание немцами Украины было стремительным движением на восток, блицкригом, из-за которого у Вермахта не оставалось времени проводить и осуществлять политику в тылу. Однако на Житомирщине немецкая армия, СС и полиция Гиммлера установили администрацию, что имела властные полномочия с *начала июля и вплоть до прибытия гражданского руководства в ноябре 1941 года*. Именно в этот критический период нацисты принялись уничтожать евреев, советских военнопленных и других, так называемых расово и политически неблагонадежных. Начальный период нацистского правления изображался еще и как медовый месяц в немецко-украинских отношениях.

Сбросив советское иго, украинцы могли исповедовать свою религию, а украинских националистов поддерживали в их борьбе за независимость. Этнические немцы неожиданно для себя оказались в новой касте арийских элит. Зато евреи быстро поняли, что им нет места в новом порядке, но немногим удалось избежать страшной участи

Немецкая война на истребление в Украине

Высокопоставленные немецкие военнослужащие, руководители полиции и СС, которые сначала управляли регионом, прибыли с арсеналом смертоносных идей и современным оружием. В мировоззрении нацистов, нападение на Советский Союз рассматривалось как истребление в расово-политической борьбе жидо-большевизма. В начале 1941 года (возможно раньше) Гитлер, Гиммлер, Гейдрих и Геринг сообщили должностных лиц вооруженных сил (ОКВ - главнокомандование Вермахта), полиции и СС и Бюро иностранных дел об неизбежных массовых убийствах, которыми будет сопровождаться кампания на востоке.

Они договорились о распределении обязанностей, что подтверждается такими документами, как договор Гейдриха-Вагнера о деятельности

айнзацгрупп в зонах боевых действий и в тылу. Войскам отводилась роль в этой кампании не только на линии фронта. 13 мая 1941 года Гитлер постановил, чтобы армия предпринимала все меры для устранения гражданских угроз и нападений. Предусматривалось, что военнослужащие не привлекаются к суду за действия против гражданского населения на востоке, кроме тех случаев, когда «эти действия привели к ослаблению дисциплины или безопасности армии».

Верховное командование давало войскам указание уничтожать на месте сторонников и родственников всех гражданских лиц, которые совершали нападения на подразделения армии. Если же нельзя было определить конкретного человека, то нужно было применять коллективные меры против целых деревень. Немецким солдатам, которые совершали преступления против гражданского населения или военных Советского Союза, не было чего беспокоиться о возможном судебном преследовании, поскольку постановление Гитлера исключало привлечение к военному трибуналу за такие действия[3].

6 июня, Гитлер издал свой знаменитый **«Приказ о комиссарах»**, который требовал немедленной казни для политруков и комиссаров из числа военнопленных Красной армии. Хотя этот приказ появился в письменной форме в июне, Гитлер еще в течение марта провел ряд совещаний с верховным командованием, на которых он изложил свои соображения, что комиссаров не следует считать солдатами, а потому их можно казнить как преступников. Однако не все мероприятия, осуществление которых требовал Гитлер, были одобренными. Как известно из показаний майора Бехлера, которые он позже давал русским, Гитлер хотел начать немедленную ликвидацию не только комиссаров, но и советских офицеров и интеллигенции, однако ограничились - по крайней мере на бумаге - комиссарами[4].

Приказ о комиссарах и меморандум, который появился под заголовком **«Правила поведения войск в России»** накануне самого вторжения, были одним из аспектов обеспечения военной поддержки для уничтожения советского еврейства, которое нацистское руководство внедряло под популярным лозунгом антибольшевизма. В отличие от предыдущих инструкций эти «Правила» для войск четко относили евреев к более широкой категории политических врагов [5].

В «Правилах поведения войск в России» большевизм изображался как самая пагубная угроза существованию немецкого народа, а потому безжалостные действия против большевистских агитаторов, вооруженных повстанцев, диверсантов и евреев были оправданными, так же как и сплошное уничтожение активного и пассивного движения сопротивления [6].

Начальник генерального штаба распространил эти «Правила» среди пехоты и охранных дивизий, **в том числе среди тех трех (охранные дивизии 444, 454 и 213), которые принимали активное участие в военной оккупации Житомирщины в июле-октябре 1941г.** [7]. Таким образом, руководство немецкой армии способствовало подготовке к вторжению, разработав и распространив приказы по безжалостной изоляции и ликвидации лиц, которые в широком определении считались большевиками и противниками, а в более узком - евреями.

За два дня до нападения, на собрании 20 июня, руководители военных охранных дивизий, предназначенных для Украины, обсудили меры, к которым скоро нужно будет прибегнуть, чтобы удержать завоеванную территорию. Со стороны большинства гражданского украинского населения они не ожидали особой враждебности, считая его «дружественным к немцам» [8] , но им был доведен до сведения приказ о быстрой и жестокой расправе над вооруженными повстанцами и политруками. Уже на то время было понятно, что отдельные офицеры, а не военные суды будут решать судьбу политических и расовых врагов.

В глазах руководства армии и СС-полиции неизбежное кровопролитие на войне являлось единственным средством утверждения нового мирового порядка. На рассвете в воскресенье 22 июня началось наступление Германии на Советский Союз. Вторжение осуществлялось **группой армий «Юг»** под командованием фельдмаршала **Герда фон Рундштедта** (нем. Gerd von Rundstedt, 12.12.1875 — 24.02.1953) , в состав которой входили **6-я армия** под руководством фельдмаршала **Вальтера фон Рейхенау** (нем. Walter von Reichenau, 8.10.1884 — 17.01. 1942) , **17-я армия** во главе с генерал-полковником **Карлом-Генрих фон Штюльпнагель** (нем. Karl-Heinrich von Stülpnagel; 2.01.1886 — 30.08.1944) и **1-я танковая группа**, возглавляемая генерал-полковником **Евальдом фон Кляйстом** (Пауль Людвиг Эвальд фон Клейст нем. Paul Ludwig Ewald von Kleist; 8.08.1881 — 13.11.1954). В составе немецких сил участвовали венгерские, словацкие, итальянские и румынские

войска, которые поддерживали дивизии Ваффен-СС Гимmlера «Адольф Гитлер» и «Викинг».

1-я танковая группа (XXXXVIII корпус) 9 июля заняла Житомир, вслед за ней пришла 6-я армия Райхенау, тогда как на юг от Житомира 17-я армия захватила Винницу[9].

Немецкие войска и их союзники пронеслись сквозь украинские города и села, словно неистовые грозы [10]. «Мы бросились к железнодорожному вокзалу», - вспоминал один свидетель. «Все пытались спастись поездами, но немцы бомбили вокзал и вагоны; среди руин лежали тела, а дети рыдали над матерями» [11]. В Могилеве-Подольском люди торопливо собирали свои пожитки, в то время как по громкоговорителю сообщалось, что отправляется последний поезд. Когда бомбежкой железные дороги были разрушены, а на автомобили, упряжки или велосипеды не оставалось надежды и толпы людей двинулись на восток пешком. Вскоре они наткнулись на немцев, которые обогнали их и заставили вернуться назад [12].

В начале июля в Хмельник на север от Винницы, прибыли эвакуированные из западной Украины. Местное население охватила тревога в предчувствии нападения немцев, и оно устремилось к райисполкому, надеясь узнать о порядке эвакуации, однако в комитете им запретили оставлять свои рабочие места и отказали в транспортных средствах для эвакуации. Еврейским жителям сказали: «Вам нечего бояться; вы же не члены партии» [13].

Тайком готовясь к бегству, члены партии высшего эшелона упаковывали чемоданы и давали распоряжения об эвакуации города, отчаянно пытались удержать контроль над охваченным паникой населением, руководство объявило, что Красная Армия отбила Львов. В то же время Сталин приказал уничтожить промышленные предприятия и сельскохозяйственный инвентарь, которыми могли воспользоваться немцы [14]. По всему региону даже в мелких местечках были уничтожены сотни домов и убиты заключенные, которые рассматривались как потенциальные нацистские калоборциансты [15].

Советские силы рассеялись по региону вблизи Бердичева, Коростеня и Винницы. 7 июля 1941 года немецкие парашютные бригады десантировались в городе Любар неподалеку от Бердичева, где они

столкнулись с советскими пехотинцами [16]. Первый налет на Житомир немецкие Люфтваффе сделали 9 июля 1941 года. Тем временем 16-я моторизованная пехотная дивизия сообщила из Чуднова (около 40 километров на юго-запад от города) о взятии в плен 2000 советских заключенных и дезертиров [17]. 1-я танковая группа прорвала возле **Новоград-Волынского** (около 50 километров на северо-запад от Житомира) то, что осталось от «линии Сталина», и взяла **Новоград-Волынский** – 9-го, а Бердичев – 13-го июля [18]. Попутно два батальоны тяжелой артиллерии (86-й и 66-й) рапортовали 81-й танковой группе, комиссаров и командиров расстреляли и что среди комиссаров случались случаи самоубийств [19].

На поля и дороги, кроме бомб, с неба падали и немецкие листовки. В одном обращении говорилось о том, что предъявителю такой открытки гарантированно дружеское отношение немецкой армии и что настоящим врагом немцев являются евреи - носители большевизма. На Житомирщине дезертиры Красной армии шли к немцам с открытками и просили еще несколько «пропусков» для своих товарищей. В отчетах немецкой разведки указано, что антисемитский призыв в листовках был особенно «эффективным» [20]. Не сомневаясь, что открытка - это билет к сохранению жизни, местные женщины и дети собирали и раздавали их дезертирам Красной Армии [21]. Двигаясь в глубь Житомирщины, 1-я танковая армия сообщала, что тысячи солдат Красной Армии сдаются; только 11 июля немцы взяли в плен **18 779** человек. В битве за Бердичев (8-12 июля) было захвачено более **5260** воинов Красной армии, и еще **1500** сдались после взятия города. У большей половины из них, были немецкие пропагандистские листовки [22].

В Любаре XXXXVIII корпус взял в плен 7000 человек, многие из которых просили «еще открыток, чтобы у нас было что-нибудь в руках» [23]. Немецкая разведка узнала у пленных, что после бегства комиссаров, листовки распространяли сами советские офицеры.

В боях за Житомир, Винницу и Бердичев немцам **сдались в плен свыше 72 000 солдат Красной Армии** [25].

Согласно сообщениям воздушной разведки, основные подступы к Житомиру были покинуты советскими войсками. 9 июля немецкие танки 1-й танковой группы триумфально вошли на главную площадь Житомира и дали артиллерийские залпы в направлении Чудновской, главного бульвара,

который шел из центра до окраин города. Среди танковых колонн, что въезжали в Житомир, отличались два экипажи особого подразделения полиции безопасности - зондеркоманда 4а (SK4а, отряд айнзацгруппы С). Вермахт и СС-полиция вместе прибыли в город, положив начало господству террора, который продлится два с половиной года [27]. К 12-му июля все части 1-й танковой группы генерала Кляйста подошли к Житомиру. Красная армия обороняла Бердичев, а Житомир оставила, чтобы организовать оборону Киева [26].

Первая реакция на немецких захватчиков

Вакуум власти летом 1941 года - пусть и неполный, - когда советские органы отступили, а немцы только начали вводить свои порядки на Житомирщине, служит необычным экскурсом в социальную и политическую историю региона, а также драматическим взглядом на преобразования, принесенные войной. Среди хаоса украинские националистические лидеры этого и других регионов пытались реализовать свою политическую цель - обретение независимости Украины. Кто-то из них старался получить должности в немецкой администрации. В то же время с того, как реагировало и вело себя население, вырисовывается живая картина состояния украинского общества после сталинизма 1930-х годов. На основе этого «среза» можно проследить трансформацию житомирского региона за время нацистской оккупации.

Населения Житомирщины на момент прихода немцев состояло преимущественно, пожилых людей и женщин, которые хозяйничали дома. Нет ничего удивительного в том, что во время войны в тылу преобладали женщины, такая демографическая ситуация сложилась вследствие сталинской политики 1930-х годов, когда множество молодых мужчин принудительно или добровольно отправлялись в далекие индустриальные города в восточной Украине, были вывезены или погибли во время репрессий. Весной и летом 1941 года несколько миллионов мужчин из центральной и восточной Украины взяли на военную службу в Красную Армию или эвакуированы вместе с ней [28].

Остальные мужчины среднего возраста была в основном или непригодны к военной службе, или малообразованны; кроме того, небольшая, но

значимая часть мужчин осталась как агенты советской разведки. После того, как немцы освободили украинских военнопленных, доля мужчин среди населения выросла и пополнилась более квалифицированными и образованными работниками, в частности, агрономами, геодезистами и механиками [29]. Кроме того образовался глубокий разрыв поколений: существовало очевидное социальное расслоение между старшим поколением, которое идентифицировало себя с царизмом, и молодым, которое подверглось советской пропаганде. Те кто достиг совершеннолетия в 1930-х годах, дольше ходили в школу и имели лучшие навыки, связанные с проживанием в городе, чем предыдущие поколения; однако у них как и у их отцов сохранялось провинциальное мировоззрение [30].

Бескрайние поля были перерезаны грунтовыми дорогами и вереницами домов, которые в основном представляли собой примитивные деревянные постройки, побеленные каменные здания или старые мазанки с соломенными крышами. Железная дорога соединяла основные города региона. Важнейшими железнодорожными узлами были Житомир и Казатин, однако даже неподалеку от них крестьяне добирались и до других деревень пешком, велосипедами и конными подводами. Вскоре немцы и сами поняли, насколько ужасными были эти грунтовые дороги. Их танки и грузовики вязли в грязи во время летней непогоды, стоявшей в то время. За исключением телефонной и радиосвязи кое-где в больших городах, основными средствами распространения и обмена информацией оставались газеты, официальные объявления, сельские и колхозные собрания, а также сплетни.

Когда нацистские войска впервые попали в регион летом 1941 года, украинские крестьяне смотрели на этих захватчиков с волнением и неуверенностью. Для некоторых украинцев немцы были дословно «посланниками Бога» [31]. Те, кто надеялся на земельную реформу и лучше жизнь, чистосердечно встречали немцев с хлебом и солью [32]. Немцы удачно использовали антибольшевистскую тему в своем походе, выступив в образе «освободителей». Украинцы в Житомире верили, что с поражением войск Сталина закончатся и их страдания [33]. Украинцу, который пережил десятилетия голода и террора сталинизма и стал очевидцем разрушений, вызванных сталинской политикой «выжженной земли», не могло и прийти в голову, что может произойти что-то хуже [34].

У украинцев на самом деле была причина надеяться, что при немецком правлении у них будет больше свободы и процветания. В первые дни войны, подразделения по пропаганде Вермахта сбрасывали листовки и расклеивали плакаты, адресованные гражданскому населению. В регионе распространяли листовки под заголовком «**Призыв к украинскому народу**». В них немцы провозглашали, что украинцев освобождают от тирании еврейско-большевистских элементов [35].

Украинцев поощряли исповедовать свою религию, что, по мнению немецких лидеров, способствовало бы становлению спокойствия и порядка. Они заявляли: «Время атеизма в прошлом. С немецкой властью вы снова можете свободно молиться» [36]. Набожные украинцы торжествовали. Прежде чем отстраивать свои изуродованные усадьбы, украинские крестьяне ехали реставрировать ближайшие церкви. Священники, которые при советской власти занимались другими делами, возвращались к духовному сану. С иконами и Библиями в руках они направлялись в немецкие штаб-квартиры и просили разрешения восстановить местные приходы. 106 священнослужителей Житомирщины отремонтировали и открыли двери шести церквей в самом Житомире и пятидесяти четырех в окрестных районах. Украинцы массово шли в церкви и на местные кладбища, где отправляли обряды крещения, погребения и литургии. В Коростене священник окрестил десятки молодых и взрослых людей в реке Уж. Эти религиозные обряды совершались за несколько дней по приезду немцев, а некоторые из них даже перед самым их прибытием [37].

В 1941 г. (как, впрочем, и в течение всего периода нацистской оккупации) религиозные обряды превращались в политическое орудие антисемитов и националистических активистов. Например, епископ Украинской православной церкви из Житомира Поликарп (Сикорский), который не скрывал своего антисемитизма, в августе 1941 г. посетил в Луцке похоронную церемонию, на которой хоронили более 3000 жертв кровавой расправы НКВД. Это событие дало немецким военным и СС-полиции возможность взбудоражить антиеврейские настроения и обеспечить поддержку погромов среди местного населения. Евреев они изображали как агентов НКВД, которые уничтожали украинство. Украинские националисты также пытались воспользоваться высокой эмоциональностью похорон, чтобы пополнить свои ряды [38].

Украинские националисты *Походные группы и Вермахт*

В первые недели и месяцы своего правления немцы вроде бы не возражали против украинского националистического движения. При подготовке к операции «Барбаросса», два направления украинских националистов установили связи и даже проводили учения совместно с Вермахтом и офицерами разведки СС [39]. Такое немецко-украинское сотрудничество воспринималась Организацией украинских националистов как сигнал, что на их цель обретения независимости будут смотреть сквозь пальцы, а то и поддержат ее.

Пока руководители ОУН организовывали собственные экспедиционные отряды - **походные группы**, немецкое командование и полиция были уверены, что легко смогут контролировать относительно небольшое и внутренне разделенное националистическое движение.

Две фракции этого движения, одну из которых возглавлял Степан Бандера, а другую - Андрей Мельник, формировали походные группы, каждая из которых насчитывала не более десяти мужчин, которые **развернули свою деятельность на Житомирщине летом 1941 г.** Они действовали во второстепенных для Вермахта районах, преимущественно сельской местности, где проживало большинство украинцев, а не в городах, где располагались немецкие силы. Каждый руководитель походной группы отвечал за двадцать-тридцать сел [40]. Как правило, они передвигались с одного места в другое в ночное время пешком, хотя изредка пользовались велосипедами, автомобилями или мотоциклами [41]. Многим удалось раздобыть удостоверения, выданные немецкой армией. Сначала такие удостоверения приобретались официально, а позже нелегально изготавливались в типографии, которую националисты тайно основали в Житомире [42].

Обычно, прибыв в свой пункт назначения, националисты начинали с того, что разыскивали сторонников, многих из которых уже до того знали в подполье как бывших петлюровцев. Мирослав Прокоп, один из выдающихся лидеров

ОУН(б), который впоследствии стал редактором подпольной газеты «**Идея и чин**», прибыл в Казатинский район летом 1941 г. После войны он вспоминал, как вступал в контакт с украинцами.

Уезжая из Львова в Киев, я делал остановки в селах Житомирщины; города, где расположились немцы, я обходил. В деревне я останавливался у контактного лица, местного соратника, который обычно организовывал там культурные мероприятия и был наиболее образованным.

Обращаясь к контактной особе «друг» (а не товарищ), я сначала вносил ясность в свою принадлежность, а затем сообщал, что я приехал из такого-то города на западе [Когда я не имел заранее определенных контактов]. Я подходил конечно к младших, которых легче завлечь общим вопросом типа: «Как, по Вашему мнению, с украинцами себя ведут советы и немцы?». Если мне не отвечали с приятностью, я исчезал во тьме ночи. Мы использовали псевдонимы вместо имен и названий деревень. Мы писали на тонкой бумаге для сигарет; ее можно было съесть, если бы нас поймали; едой и всем необходимым нас обеспечивали местные жители и наше подполье [43].

Активисты ОУН(б), которые с Вермахтом проникли вглубь Житомирщины, имели смелый план реорганизации всех аспектов жизни на селе, в частности, создание молодежных объединений (Сеч), групп военной подготовки, читательских клубов, церковных программ, драматических трупп, музыкальных кружков, новых школ и т.д. Их основными задачами были: 1) установить администрацию ОУН, полномочия которой будут распространяться на все сферы украинской жизни; 2) поднять восстание против немцев и советских сил с целью создания Украинского государства исключительно для украинцев; 3) создать украинскую революционную армию [44].

Активисты распространяли «**Акт восстановления Украинского Государства**», провозглашенный 30 июня 1941 г. в Львове [45]. Они зачитывали страницы из книги карманного размера «**История Украины**» и организовывали хоры, которые пели гимн «Ще не вмерла Украина» [46].

Представители Бандеры вели свои записи о селах, тщательно составляя перечень этнических групп, вероисповеданий, возраста, занятий, имен бывших петлюровцев и врагов-коммунистов. Писали они и о городах

Житомирщины, рисуя упадок власти, мародерство и алкоголизм - смесь хаоса, преступности и отчаяния. В Черняховском районе один националист с именем Корниенко писал, как командир местной милиции, бывший офицер армии Петлюры, непрерывно пил. Как отмечает Корниенко: «Когда он не пьет водку, то пьет одеколон, поэтому он не имеет авторитета среди служащих полиции» [47]. Из-за его халатности разграблены еврейские дома, полиция в составе двадцати пяти человек запугивала жителей и пыталась присвоить еврейское имущество. Хотя местная украинская администрация обратилась с просьбой о передаче изъятого немецкой власти, полиция отказалась подчиниться и даже хвастались награбленным добром [48].

Корниенко и другие доверенные лица Бандеры описывали страшную экономическую ситуацию в украинских селах. В местности, где действовал Корниенко, советская власть уничтожила фарфоровый завод, на котором было 2000 рабочих. Много безработных шли в колхозы, где они работали на земле с надеждой прокормить семьи.

Из села под кодовым названием Милка другой националист сообщал, что в августе 1941 г. он и еще двадцать два активисты взяли за организацию работы в ряде сел вокруг Житомира, совокупное население которых составляло 21 222 украинцы, 2649 этнических немцев, 132 россияне, 7 евреев и 9 «других». У населения не было чего есть [49]. Вместо картошки и хлеба местные жители жили почти исключительно на молоке. Этот проводник ОУН(б) под псевдонимом РР писал, что местным людям необходима значительная помощь и поддержка; когда им никто не помогает, они «разбегаются, как мыши по норам».

Кампания украинских националистов по организации образования и улучшения условий проживания украинцев столкнулась с немецкой программой предоставления привилегий местным этническим немцам. Назначая местных фольксдойчей на должности мэров, сельских старост, председателей коллективных хозяйств, заведующих магазинами, начальниками полиции и директорами школ, нацисты стали на пути к желанию украинских националистов установить контроль в регионе [50]. Столь же раздражительным для украинских проводников был и тот факт, что этнические немцы, одна из самых угнетенных меньшинств в регионе, были наименее квалифицированными кандидатами для таких руководящих должностей.

Поддержка нацистами фольксдойчей в начале войны

На стадии планирования операции «Барбаросса» Гиммлер создал специальные отряды для спасения фольксдойчей в России - **зондеркоманду «Россия»**, возглавил бригадный генерал СС **Хорст Гоффмайер** [51]. Отряды Гоффмайера шли вслед за Вермахтом и с помощью зипо-СД начали регистрацию фольксдойчей, которые переходили под контроль нацистов [52]. Первым местом назначения Гоффмайера на востоке был Житомир, в котором планировалась работа с волынскими немцами [53].

До того, как в начале сентября 1941 г. в Житомир прибыл штаб Гоффмайера, подразделение айнцагруппы С (зондеркоманда 4а) уже начало там регистрацию этнических немцев. Служащие этого подразделения тайной полиции также первыми сообщали о положении фольксдойчей, которые выжили после сталинского террора. Они обнаружили, что этнические немцы, разбросанные по всему региону, были в целом «дружески настроенными, однако сдержанными» и не могли понять, какое значение имела для них эта внезапная политическая смена».

Незадолго до прибытия немцев советская власть депортировала из Житомира 150 этнических немцев [54], с других же крупных населенных пунктов, таких как Бердичев, было депортировано гораздо меньшее их количество.

Августовское распоряжение Сталина эвакуировать всех этнических немцев вместе с Красной Армией не коснулось этнических немцев (пока было выдано это распоряжение, Вермахт уже больше месяца хозяйничал в регионе) [55]. Однако во время боев некоторые из этнических немцев погибли от рук НКВД или солдат Красной Армии. Как говорилось в немецких сообщениях, в **Новограде-Волынском**, где проживало почти 7500 фольксдойчей, НКВД требовало, чтобы они выходили из тайников во время двухдневных боев с Вермахтом; по тем, кто выходил, открывали огонь [56]. Покидая Бердичев в начале июля 1941 г., советские войска зачистили город и убили фольксдойчей.

Посреди этой кровавой расправы, женщины и дети фольксдойчей прятались в сараях и землянках-укрытиях, а также искали убежища у украинцев [57]. Служащие гиммлеровской зондеркоманды 4а регистрировали фольксдойчей согласно «**Списка немецкого народа**» (DVL), а потом угощали их горячим обедом из полевой кухни. Несмотря на то, что 40% этнических немцев региона не имели ни профессии, региональное немецкое командование начало назначать их на высокие административные должности, вызывая этим гнев среди не немецкого населения [58].

Тех немногих фольксдойчей, которые оказались пригодными для работы в немецкой администрации, переводили из одного учреждения Рейха в другое и назначали на влиятельные должности. Например, немецкий полевой командир в Виннице нанял в свое ведомство пекаря-фольксдойче Теодора Кицмана; затем Кицман работал в СС и полиции, и в конце концов, его повысили до руководителя района в администрации комиссариата. В распоряжении Кицмана как высшего руководителя района в местной администрации находились сорок сел с почти 30 000 жителей.

Новым мэром Бердичева стал российский немец на имя **Редер**. Ведущим консультантом в штабе зондеркоманды 4а был невролог **Артур Босс**, этнический немец родом из Одессы, который жил в Житомире [59]. Еще большему количеству фольксдойчей нашли немедленное применение, заполнив ими ряды помощников полиции и переводчиков в военной администрации, особенно в сельских районах. Они передавали приказы нацистов местному населению. Многие помогали в разоблачении местных евреев и участвовали в их уничтожении [60]. Все же по количеству украинцы существенно преобладали над этническими немцами, которых взяли на работу в местные административные учреждения. Многие немецкие служащие предпочитали украинцев только потому, что считали их более старательными и надежными, чем фольксдойч [61].

Поскольку немцы пытались управлять большой территорией, небольшой кучкой чиновников, которая имела ограниченные ресурсы для выполнения явно невыполнимых задач, случайные мероприятия и непродуманные решения были основой управления. Местные служащие не торопились брать этнических немцев на привилегированные должности, поскольку большинство их «расовых собратьев» были просто некомпетентными. В результате этого нацистские лидеры должны были прилагать усилия, чтобы

убедить немецких служащих во всех учреждениях, что этнических немцев нужно не сторониться или недооценивать, а скорее поддержать как истинных немецких жертв «жидо-большевизма».

Этнические немцы воспринимались украинскими националистами, государственными служащими и председателями коллективных хозяйств как досадная случайность, которая, однако, могла стать угрозой. Зато они были убеждены, что куда большая опасность подстерегает их со стороны другого этнического меньшинства - поляков, потому что те исторически здесь господствовали, а не так давно, во времена межвоенной Польской республики, преследовали украинцев и украинских националистов [62]. Один бандеровский активист писал, что на том месте, где его сподвижники выкопали яму, чтобы поставить крест, поляки - которые, по его словам, были организованы «как черт» - поставили свой крест [63]. Он «перекинулся с ними недобрым словом», но вскоре нашел лучшее место, чтобы поставить украинский православный крест.

Когда первая община украинских верующих в Житомире обратилась к священнику немецкой армии с просьбой возобновить церковную службу, они выяснили, что тот был римо-католиком. Многие из них были готовы обратиться в католицизм, но узнав, что католические служения будут правиться поляками, перестали их посещать. Можно говорить утверждать, что летом 1941 г. украинцы житомирского региона больше выражали антипольские и антироссийские настроения, чем антиеврейские и антинемецкие [64].

Среди хаоса и террора, вызванных вторжением нацистов, начала проявляться межэтническая напряженность. Эта конфликтность была в значительной степени результатом противоречивого подхода Сталина, который, с одной стороны, поощрял развитие местной культуры, а с другой - проводил жестокую советизацию общества. Большинство тех, кто приветствовал приход немцев летом 1941 г., радовались поражению сталинизма, надеясь, что теперь жизнь улучшится. И скоро стало понятно, что нацистское понятие «освобождения» не совпадало с ожиданиями населения Житомирщины. Политика местных немецких руководителей сначала была хаотичной и якобы благосклонной к религиозной жизни украинцев и деятельности украинских националистов. Однако со временем набирал

обороты более устоявшийся метод правления немцев: систематическое запугивание и массовое насилие.

Когда в Житомир прибыл командующий городом, **полковник Вермахта Йозеф Ридль**, он немедленно приказал, чтобы всех жители были зарегистрированы по улицам и районам [65]. За считанные дни в распоряжении немецких военных и полицейских сил были списки с информацией о том, кто есть украинец, поляк, россиянин, этнический немец или еврей и где они обитают. В Бердичеве Вермахт расклеил на домах плакаты на украинском, русском и немецком языках, в которых говорилось о том, что того, кто выйдет на улицу между 8-ю часами вечера и 6-ю часами утра, будет без предупреждения расстрелян, и что «за каждого немецкого солдата, на жизнь которого совершено покушение, будет расстреляно 20 человек гражданского населения» [66].

Весь скот и сельскохозяйственное снаряжение также регистрировалось и облагалось налогами; **без разрешения запрещалось выезжать за пределы своего села**; торговля и коммерческая деятельность велись только по согласию немцев; а того, кто ограбил или поселился в заброшенном доме, ждала смертная казнь. Местные военные коменданты требовали, чтобы все огнестрельное оружие в течение суток было передано мэру или сельском голове. Если возле села находили оружие, то это село должно было нести ответственность, проводились массовые аресты и казни. Украинцам запрещалось пользоваться общественным транспортом и заходить в некоторые магазины; еду могли купить только работающие и их семьи [67]. Немецкие солдаты конфисковывали скот и пшеницу; кое-где забирали даже единственную в хозяйстве корову или свинью [68].

Одним из первых немецких сообщений в местной газете был призыв сформировать украинскую милицию, из не более чем «100 человек, вооруженных дубинками и ножами» [69]. Замысел состоял в том, чтобы создать украинское ополчение в соотношении один ополченец на десять домов и привлечь местное население к обеспечению порядка и безопасности [70]. Эти немецкие приказы и распоряжения, выходившие на украинском и русском языках и часто содержали подписи местных украинских и немецких этнических коллаборационистов, не были пустыми угрозами, направленными только на то, чтобы через страх добиться покорности местного населения. Военные, руководство СС и местные

коллаборационисты тщательно следили за выполнением всех этих приказов. Между июлем и октябрём 1941 г., в период военной оккупации региона, силами армии и полиции СС казнили десятки тысяч советских военнопленных и гражданских (в основном евреев).

Геноцид начался под прикрытием войны в «эйфории победы». Немецкие оккупанты чрезвычайно быстро обеспечили административное распределение обязанностей для выполнения этих целей, добиваясь прежде всего порядка и координации действий, а также, чтобы быстрее справиться с «неприятной», но необходимой для режима работой. Жертвы были парализованы скоростью и размахом этих действий, внезапно осознав зверские намерения нацистских «освободителей».

1 У північній частині комісаріату, на Подільській низовині, «темпи урбанізації знизились на 5 відсотків у період між 1926 та 1939 р.», за твердженням Кравченка, *Social Change and National Consciousness*, 119.

2 Офіцер абверу із групи армій «Південь» писав про це у жовтні 1941 р. Див.: «Stimmung und Lage beim Einmarsch der deutschen Truppen». Abwehr II bei Heeresgruppe Süd, 28 жовтня 1941 р., NA, RG 242, T-77/R 1028/6500707.

3 «Erlaß Adolf Hitlers vom 13. Mai 1941 über die Ausübung der Kriegsgerichtsbarkeit», у *Europa unterm Hakenkreuz*, ed. N. Müller, 132, та *Verbrechen der Wehrmacht*, ed. Hamburger Institut für Sozialforschung, 46–49. Стосовно планування перед операцією «Барбаросса» масових убивств і, зокрема, повного винищення єврейського населення, див.: Breitman, *The Architect of Genocide*, 146–166.

4 Див. свідчення Лееба (Leeb), NMT, High Command Case XII, vol. 10, 1090–91. Наказ комісара знаходиться в NA, RG 238, NOKW-1076. Бехлер свідчив у грудні 1943 р. Див.: Breitman, *The Architect of Genocide*, 284, n. 21.

5 Стосовно звернення Гітлера від 30 березня 1941 р. та наказів, що переросли у «Правила» та «Наказ про комісарів», див.: Hans-Adolf Jacobsen, «Kommissarbefehl und Massenexekutionen sowjetischer Kriegsgefangener», у *Anatomie des SS-Staates*, ed. Buchheim et al., 144–152.

6 «Правила», цей цілком таємний меморандум, було розповсюджено Йодлем серед командирів рівня дивізії із вказівкою подальшого поширення (на рівень батальйону – 15 червня 1941 р.). «Принципи» Йодля командирам дивізій, отримані 454-ю охоронною дивізією 8 червня 1941 р., KTB SD454, Anlage, NA, RG 242, T-315/R 2215/000711–13. Додаткова документація про знищення мирного населення під час війни була оприлюднена в праці: Jacobsen, «Kommissarbefehl und Massenexekutionen», 166–194.

7 Меморандум про «Правила» було розповсюджено на рівні роти. Головнокомандувач збройних сил Альфред Йодль забезпечив виконання цього меморандуму та пропагандистських заходів під час бойових дій у

червні 1941 р. див.: «Aus den Weisungen des Chefs des OKW vom Juni 1941 zur propagandistischen Beeinflussung der Angehörigen der Roten Armee und der sowjetischen Zivilbevölkerung» у *Die Faschistische Okkupationspolitik*, ed. N. Müller, 153–155.

8 зібрання зазначене у журналі бойових дій 454-ї охоронної дивізії у записі від 20 червня 1941 р. див. конкретні вказівки щодо поводження із мирним населенням, «Freischärlern usw.», а також із політичними комісарами у нотатках зборів: «Kommandeur Besprechung vom 20 Juni 1941», в КТВ SD454 Anlage, NA, RG 242, T-315/R 2215/000393 та 000684–5.

9 Окрім цього, 11-та армія, яка складалася із німецьких та румунських військ, увійшла до складу групи армій «Південь» і слугувала як пере-дова частина на південних кордонах України (із айнзацгрупою D). Про повний бойовий штат груп армій «Південь», червень–липень 1941 р., див.: *Militär-geschichtes Forschungsamt*, ed., «Germany and the Second World War», 4: 550–55.

10 АОК 17 Іс/АО, 8 та 9 липня 1941 р., NA, RG 242, T-312/R 674/8038278–9.

11 колишній радянський пілот часів Другої світової війни із Житомира, Павло Горлач, бесіда із автором, 15 травня 1996 р., Житомир, Україна.

12 Mordechai Altschuler, «Escape and Evacuation of Soviet Jews», у *The Holocaust in the Soviet Union*, ed. Dobroszycki and Gurock, 94–96.

13 Ibid., 94.

14 Пізніше, у липні, СД знайшла в Житомирі радянські накази про системне винищення «усього державного майна, наприклад, будівель та провіанту». За твердженнями СД, радянський наказ також передбачав евакуацію політичних комісарів, росіян та «євреїв». *Meldungen der Einsatzgruppen und -kommandos, Einsatzgruppe C, Standort Chitomir (sic)*, 29 липня 1941 р., NA, RG 242, T-175/R 233/7–10. Деякі описи знищення матеріальних ресурсів було опубліковано в місцевій газеті. Наприклад, у селі Баронівка до вторгнення нацистів було 170 хат, а вціліло лише 7. У Яльцівці свого часу було 240 хат, а у вересні залишилось тільки дев'ять; див. «Українське слово» (Житомир), 7 вересня 1941 р., ДАЖО, газетний фонд.

15 Біля міста Житомир німецькі СС та поліція знайшли понівечені рештки колишніх в'язнів; частини тіл було кинуте у каналізацію та стічні труби, а також криниці. Есесівці сфотографували сліди цих звірств задля пропаганди і провели відплатну акцію проти місцевих євреїв, яких публічно звинуватили у скоєнні звірств. Див. допит Віктора Трілла, водія Пауля Блобеля, 25 червня 1960 р., ВАЛ, 207 AR-Z 419/62; та статтю в газеті «Українське слово» (Житомир), 17 серпня 1941 р., ДАЖО, газетний фонд.

16 Див. рапорт розвідки 60 піхотної дивізії (моторизованої) до головного командування 48-ї армії, 13 липня 1941 р., NA, RG 242, T-314/R 1146/000425.

17 Див.: «Morgenmeldung 16 I.D. (mot)» із Oblt. Holtermann, 10 липня 1941 р., NA, RG 242, T-314/R 1146/000277.

18 «Лінія Сталіна», хоча й базувалася на принципах захисту «лінії Мажино», була роз'єднаною мережею укріплених районів у радянській Росії. На Житомирщині частини «лінії Сталіна» проходили навколо Звягеля (Новограда-Волинського) та Вінниці, Clark, *Barbarossa*, 30–31.

19 Див. повідомлення зі звягеля (MG батальйони 86 та 56) до головного командувача Panzergruppe I від 9 липня 1941 р., NA, RG 242, T-313/R

10/7241488.

20 Panzer Gruppe I, Abt. Ic/AO, 9 липня 1941 р., NA, RG 242, T-314/R 1146/000267-268.

21 60 піхотна дивізія Ic до 48-ї АК Ic, 11 липня 1941 р., NA, RG 242, T-314/R 1146/000340-341 та 000424.

22 В одному рапорті йдеться про те, що від 50 до 60 відсотків з них мали листівки. Fernspruch 16 Pz.-Div., 14 липня 1941 р., NA, RG 242, T-314/R 1146/000467.

23 48-а АК до Panzer Gruppe IIc/AO, 11 липня 1941 р., NA, RG 242, T-314/R 1146/000315-6.

24 48-а АК до Panzer Gruppe I, 13, 14 та 16 липня 1941 р., NA, RG 242, T-314/R 1146/000424, 000468, 000544-5.

25 Див. рапорт АОК 17, Ic від 19 липня 1941 р., частина (3), NA, RG 242, T-312/R 676/8310377.

26 АОК 6 Ic відрепортувала про те, що в околицях Житомира та в лісах росіяни покинули багато танків та літаків. NA, RG 242, T-312/R 1406/000299.

27 Окрім договору між Гайдріхом та Ваґнером, їхню таємну згоду було засвідчено в меморандумі ОКН від 28 квітня 1941 р. про те, як армія повинна підтримувати сили безпеки СС при виконанні ними «спеціальних завдань». Див.: NMT, High Command Case XII, NOKW-2080 та NOKW-3234. Ці документи вищого командування збройних сил про співпрацю СД та військових передруковано в: *Anatomie des SS-Staates*, ed. Vuchheim et al., 2: 171-173. Куно Каллсен, офіцер зондеркоманди 4а, зазначав, що серед колони військових рухались два автомобілі, які везли членів їхньої команди, і що СД прибуло в Житомир «під прикриттям бронетанкових військ». Допит Куно Каллсена, 28 червня 1965 р., VAL, 207 AR-Z 419/62; також описано в Streit, *Keine Kameraden*, 112.

28 Окрім того, що молоді жінки України були змушені бути головами власних сімей у час війни, часто вже у двадцять років і старше вони мали троє чи четверо дітей, що відбувалося внаслідок відсутності контрацепції та заборони Сталіним абортів у 1936 р.; див.: Ereignismeldung Einsatzgruppe C, Standort Zhitomir, 1 серпня 1941р., NA, RG 242, T-175/R 233, 17-18; Ereignismeldung Einsatzgruppe C, 7 серпня 1941 р., NA, RG 242, T-175/R 233. Krawchenko, *Social Change and National Consciousness*, 129. Щодо тенденцій структури населення та зростання кількості жінок, залучених до некваліфікованої сільськогосподарської роботи, див.: Lapidus, *Women in Soviet Society*, 113, 172-77.

29 Також була певна кількість дрібних службовців із державних партійних установ та комісаріатів, які продовжували працювати в німецькій адміністрації. Abteilung Statistik (відділ статистики), генеральний комісаріат житомир, ДАЖО, P1151-1-700. «Deutsche Ukraine-Zeitung» (Луцьк), 13 лютого 1942 р., 3, Library of Congress, newspaper microfilm 3010.

30 Більшість із них уміли читати; менше осіб серед селян могло писати. Середня густина населення складала сорок – п'ятдесят осіб на 1 кв. км. Найнижчим показником густоти населення був в Олевську – 18 осіб на 1 кв. км. Див. дослідження, датовані жовтнем 1941 р. Abteilung

Statistik, генеральний комісаріат житомир, ДАЖО, P1151-1-700.

31 Neyer, *Die Orthodoxe Kirche in der Ukraine*, 170-171.

32 Старші офіцери армії писали, що українці в житомирському регіоні стави-
лися до них із «дружелюбністю, вартою подиву»; див.: Vfh.rückw.H.Geb.
103, 11 липня 1941 р., NA, RG 242, T-501/R 5/000482; та звіт розвідки
АОК 17 (Ic) від 16 липня 1941 р., NA, RG 242, T-312/R 674/8308271.

33 Українські біженці, свідчення яких були записані на початку 1950-х
рр.,
пояснили, що спершу вони не були знайомі із расовою ідеологією Гітлера
та брутальною природою нацистського режиму і вважали, що німці були
добрими людьми, котрі «не вбивали». Вони отримали полегшення від
того, що німці витіснили більшовиків. Див., наприклад: Human Resources
Research Institute, *Harvard University Refugee Project*, vol. 15,
інтерв'ю
№ 284, графік А, 8; та № 285, 54.

34 Див. звіт Відділу закордонних справ про українців 1941-1943 рр. від
березня 1943 р., NA, RG 242, T-454/R 92/001022-26.

35 Листівка знаходиться в додатках до журналу бойових дій АОК 17 від
середини липня 1941 р. (німецькою та українською мовами). NA, RG
242, T-201/R 674/8308414. У другій листівці, адресованій міським чи
сільським головам, армія наголошувала на тому, що українські керів-
ники несли відповідальність за підтримання порядку у власному насе-
леному пункті та за виконання сільськогосподарських контингентів
до 15 жовтня 1941 р. Листівка завершується зверненням до питання
релігійної свободи. КТВ Vfh.rückw.H.Geb., листівка датована 19 липня
1941 р., NA, RG 242, T-501/R 5/000518.

36 Berkhoff, «Was There a Religious Revival...?», 538.

37 Див. звіт активіста ОУН(б) про діяльність українців поблизу Жито-
мира (Черняхівський район), 25 липня 1941 р., ДАЖО, P1151-1-13.
Подібна ситуація також описана в: Neyer, *Die Orthodoxe Kirche*, 170-
172.

38 Berkhoff, «Was There a Religious Revival...?», 549-550 та *Harvest of
Despair*, 83-84.

39 Ілнютзкыі, *Deutschland und die Ukraine*, 173-194; Матла, *Південна
похідна група*, 1. Матла був керівником південної похідної групи.

40 Щодо списків прихильників по кожному селу, див. справу ОУН(б) у
ДАЖО, P1151c-1-2.

41 Див.: Armstrong, *Ukrainian Nationalism*, 55, 60-61; та Матла,
*Південна
похідна група*, 9, який описує, як активісти подорожували вночі
річками.

42 Друкарню з виготовлення посвідчень було викрито СД у березні 1942
р.
NA, RG 242, T-175/R 235/2724106.

43 Мирослав Прокоп (нар. у Пшемишлі в 1914 р.) навчався у Львівському
та Берлінському університетах. Його ув'язнили поляки за супротив
полонізації українських шкіл у Галичині; після звільнення з тюрми у
1938 р. він утік до Берліна. Він був одним із підпільних провідників
ОУН(б), які переїхали зі Львова до Києва у період між липнем 1941 р.
та квітнем 1942 р. У Києві він працював редактором націоналістич-
ного друкованого органу «Ідея та чин». У 1943 р. він організував
українську радіостанцію в Карпатських горах, яка передавала новини

про Україну французькою, англійською та українською мовами. Він також допоміг при створенні Української головної визвольної ради у липні 1944 р. Бесіда автора із Прокопом, 15 березня 1995 р., Товариство ім. Т. Шевченка, Нью-Йорк. Молодий вік Прокопа на той час відображає склад ОУН; у 1941 р. у русі було задіяно близько 20 000 членів, вік половини з яких був менше 21 року. Krawchenko, *Social Change and National Consciousness*, 157.

44 Див. документи ОУН(б) про цілі революції, ДАЖО, P1151-1-2.

45 Про проголошення Акта у Львові та його скасування німцями див.: Armstrong, *Ukrainian Nationalism*, 54-59.

46 Матла розповідає про це у праці *Південна похідна група*, 28. Допити СД у Житомирі у період із червня по березень 1942 р. проводив Рацезбергер. Багато із них були залучені до слідства через те, що їхні імена

згадувалися як прихильників у захоплених звітах бандерівців; дехто із арештованих працював у німецькій адміністрації, як наприклад, Микола Клименко, котрий перебував на посаді міського голови Мирополя, Іван Печерський, службовець поліції у Новограді-Волинському та Микита Пивовар, голова районної адміністрації Черняхова, ДАЖО, P1151-1-16.

47 Націоналіст «Буйний» також наголошував на проблемі пияцтва серед місцевих керівників. ДАЖО, P1151-1-2.

48 Свідчення націоналістів сходяться у тому, що місцева українська міліція грабувала, вбивала та знущалась над мирним населенням. Див. звіт 454-ї дивізії безпеки «Stand der Militärverwaltung», 4 жовтня 1941 р., NA, RG 242, T-315/R 2216/000213.

49 Рапорт Корнієнка від 25 липня 1941 р., ДАЖО, P1151-1-2.

50 У українців розвинулись сильні антиугорські та антирумунські настрої; вони називали угорців «австрійськими вандалами», оскільки угорські формування грабували господарства та відбирали усе, «що погано лежало». Рок до головнокомандувача штабу, 7 вересня 1941 р., VfH.rückw.N.Geb.Süd., NA, RG 242, T-501/R5/000848-9.

51 Колишній посадовець Союзу закордонних німців та ключовий учасник переговорів із радянською владою (1939-1940 рр.) щодо переселення етнічних німців із радянських (східнопольських) територій Гоффмайєр також був призначений заступником фюрера у справах переселення в рамках угод та домовленостей з Румунією у 1940 р. Koehl, *RKFDV*, 64; Heinemann, «*Rasse, Siedlung, deutsches Blut*».

52 Щодо ранніх спільних кампаній VoMi та СД із використанням Списку німецького народу, див.: Fleischhauer, *Das Dritte Reich*, 185.

53 Lumans, *Himmler's Auxiliaries*, 244. Вступ до справи Клауса Зібєрта, BAL, 45 Js 26/62. Зібєрт був заступником Гофмеєра у Трансністрії у 1941-1942 рр.; у 1943 р. його було призначено начальником відділення VoMi в генеральному окрузі Житомир.

54 Див. звіт Einsatzgruppe C, 6 вересня 1941 р., «Lage der Volksdeutschen in Shitomir», NA, RG 242, T-175/R 233/2722221-5.

55 У відповідь на наказ Сталіна про евакуацію етнічних німців та розформування АСРР німців Поволжя Розенберг проголосив, щовідповідальність за долю етнічних німців будуть нести євреї. Див.: Fleischhauer, «The Ethnic Germans under Nazi Rule», у Fleischhauer and Pinkus, *The Soviet Germans: Past and Present*, 83-84.

56 Див. звіт про обстановку Шмідта (гебітскомісара Новоград-Волинського), датований початком 1942 р., ДАЖО, P1151-1-142.

57 Рапорт Карла Штумппа від серпня 1942 р., із ЦДАВОУ (копія у USHMM, RG.31002M, reel 11). Гебітскомісаріат Шмідта в Новоград-Волинському також повідомляв про те, що українці пересували етнічних німців під час відступу радянських сил; див. «звіт про поточні події», початок 1942 р. (дата нерозбірлива), ДАЖО, P1151-1-142.

58 Див. рапорт «RR» від 30 липня 1941 р., ДАЖО, P1151-1-2.

59 Суд СД над Марком Ковальським, грудень 1941 р., ДАЖО, P1151-1-3.

60 Див. свідчення Босса від 23 червня та 6 липня 1966 р., справа проти Куно Каллсена та ін., VAL, 207 AR-Z 419/62. Щодо мережі інформантів фольксдойче при RGC, див. рапорт від 11 вересня 1941 р., NA, RG 242, T-175/R 233/2722288. В іншому випадку етнічна німкеня-перекладачка, закріплена за жандармерією Хмільника, ідентифікувала євреїв та була звинувачена у розстрілі єврейських дітей під час акції з ліквідації гетто у тій місцевості; див.: «Abschlussbericht», справа комісаріату м. Літин, VAL, 204a AR-Z 135/67, 53. За межами житомирського регіону на окупованій Румунією території, відомій як Трансністрія, члени етнічної німецької «Selbstschutz» відіграли значну роль у здійсненні Голокосту.

61 Див. рапорти командувача Маркулла про призначення місцевих жителів на посади керівників районів, серпень 1941 р. ДАВО, 1275-3-662 (копія у USHMM, RG.31011M, reel 92).

62 Стосовно переслідування українців поляками див. справи німецького консула у Львові та Катовіце, 1938-1939 рр., NA, RG 242, file DW, box 24, folder 20a.

63 Див. рапорти «RR», ДАЖО, P1151-1-13. Згодом, у 1943 р., ОУН(б) розпочала боротьбу проти поляків; польське підпілля чинило акції відплати, що вилилося мало не у громадянську війну. Німці використали фотографії звірств, учинених поляками та українцями по відношенню одне до одного, щоб утверджувати свою репутацію цивілізованої влади та змалювати і українських націоналістів, і поляків як дикунів. Див. декрет райхскомісара України щодо українсько-польських звірств, 19 травня 1943 р., ДАЖО, P1182-1-6; та «Lagebericht» генерального комісара Житомира, 5 червня 1943 р. (в якому йдеться про зустріч з Розенергом у Рівному, на якій обговорювались звірства, вчинені поляками проти українців), ВАК, R6/310. Армстронг описує українсько-польські конфлікти у своїй праці *Ukrainian Nationalism*, 131, п. 30. Найгірші сутички мали місце на Волині; див.: Snyder, *The Reconstruction of Nations*, 165-201.

64 Див. звіти ОУН(б), ДАЖО, P1151-1-13; Berkhoff, «was There a religious revival?...», 548.

65 «Українське слово» (Житомир), 19 липня 1941 р., ДАЖО, газетний фонд.

66 Цей наказ був виданий 16 липня 1941 р. генеральним штабом 48-ї армії до виконання Panzergruppe 1, NA, RG 242, T-314/R 1146/000531.

67 Див.: «Besondere Anordnungen für die Behandlung der ukrainischen Frage», NA, RG 242, T-501/R 5/0004823. Panzergruppe 1, Ic/AO, 16 липня 1941 р., NA, RG 242, T-314/R 1146/000531; КТВ SD 454 Anlage zum Div. Befehl Nr/ 59, «Merkblatt über Sofortaufgaben der Ortskommandanturen», NA, RG 242, T-315/R 2216/000091-94; АОК 17, Ic/AO, 10 серпня 1941 р.; NA, RG 242, T-501/R 674/8308394.

68 див. звіт Panzergruppe 1, Ic/AO, NA, RG 242, T-314/R 1146/000606.

69 Накази по дивізії, 454-та охоронна дивізія, 28 серпня 1941 р., NA, RG 242, T-315/R 2216/000065-66.

70 Повідомлення про створення української поліції в місті Житомир було опубліковане в газеті «Українське слово» (Житомир), 30 липня 1941 р., ДАЖО, газетний фонд.

www.zviahel.ucoz.ru